

Чжоу Юйхэ сказал, что смотрел "Агента" трижды, но на самом деле он солгал. В прошлой жизни, он пересмотрел эту драму не менее десяти раз, включая просмотр «Агента 2».

Цзи Чэню было чуть меньше тридцати лет, когда он на пике своей популярности пробился в правление I.S., и с тех пор он не снимался больше ни в фильмах, ни в сериалах. Все его появления на экране были тщательно и осторожно собраны Чжоу Юйхэ. Каждое движение и жест этого человека утешали его душу, когда они не могли встретиться из-за их плотного графика. «Агент» был той работой, которую он пересматривал чаще всего. Не только из-за прекрасной игры Цзи Чэня, но и потому что это был действительно хороший фильм.

Для других актеров многочисленные персонажи и сложный сюжет были непростой задачей, но Чжоу Юйхэ настолько хорошо знал «Агента», что мог сразу же идеально сыграть любого из персонажей, включая Ватанабэ Ичиро, только крикните ему: «Начали!».

Так почему же он волновался?

Он не мог сказать, почему нервничал. Может быть, это все ещё из-за Цзи Чэня. Он даже не осмеливался представить, что по прошествии более десяти лет у него появится шанс сыграть против этого человека. Фактически, из-за того, что Цзи Чэнь перед смертью сказал о его «плохой игре», он узнал, что тот всегда презирал его актёрские способности.

Когда они впервые встретились, внимание этого плейбоя действительно привлекли актерские способности Чжоу Юйхэ, иначе он, находящийся в постоянном окружении из красоток, не стал бы преследовать его так страстно.

Но что случилось потом?

Он не мог сказать, было ли это из-за того, что бизнес-карьера Цзи Чэня стабильно развивалась по нарастающей, что привело к тому, что ему самому пришлось сниматься в глупых, но успешных в денежном плане фильмах. Или наоборот потому что он всё больше и больше принимал участие в разном отвратительном по содержанию, но коммерчески успешном производстве, и именно это привело к тому, что карьера Цзи Чэня взлетала всё выше и выше. Короче, со временем Чжоу Юйхэ всё равно стал для него человеком с «плохим

актерским мастерством».

Чжоу Юйхэ отказывался это принять, но ничего не мог с этим поделать, потому что их актёрскую игру действительно невозможно было сопоставлять. Даже когда его наградили, назвав лучшим актёром-новичком, то уже тогда его актерские способности не соответствовали Цзи Чэню. В том году, когда он выиграл премию «Новичок», Цзи Чэнь получил награду за лучшую мужскую роль. Цзи Чэнь был квалифицированным актёром со способностью критиковать и оценивать собственные актерские способности. Даже через пятнадцать лет его актерские способности были безупречными, и Цзи Чэнь стал настоящим императором развлечений и гигантом бизнеса.

И сейчас ...

Кончики пальцев Чжоу Юйхэ слегка задрожали, а настроение поднялось. Он был скорее возбужденным, чем нервным.

Все были на своих местах. Все надеялись на продвижение съёмок вперёд вместо прежней напряженной атмосферы. В конце концов, это было всего лишь прослушивание на замену.

Скукота.

Кроме того был уже прецедент с Янь Иньи, у которого было так много поклонников, но он всё равно был подавлен игрой Цзи Чэня. А как насчет этого маленького актера, имя которого они даже не слышали? Ему было достаточно, плавно проговаривать свои реплики и правильно держать спину в кадре.

Однако в тот момент, когда режиссер крикнул: «Начали!» – на съемочной площадке произошло что-то странное.

Атмосфера? Чувство? Они не могли сказать, что это было и откуда пришло, но все в этот момент перестали говорить и начали осматриваться, и в конце концов они поняли, что атмосфера исходила из мониторов, на которые смотрел режиссер.

Этот новичок был другим.

Молодой человек, который изначально выглядел немного рассеянным и явно нервничал, изменился в тот момент, когда началась съемка, словно все его пять чувств были интегрированы в сознание.

Свободная поза, в которой он сидел, стала прямой, а нежные, спокойные глаза превратились в глубокие и холодные, и излучали теперь глубокую и коварную атмосферу.

Его облик был великолепен: темная цветочная золотая пряжка на верхней части военной формы, у которой не было ни одной складочки, кожаные военные перчатки, изысканно сделанные карманные часы ... С этим праведным, аскетичным, светлым и несколько болезненным лицом он был просто идеален и равнодушен, как скульптура.

Ян Юй стоял за камерой, обхватив руками грудь и сжав губы в тонкую линию. Он пристально смотрел на молодого человека в японской военной форме, которая изначально принадлежала Янь Иньи. Этот зрелый и мощный дух военного, это было не то, что мог бы распространять девятнадцатилетний парень ... Впервые он почувствовал беспрецедентное давление.

Было ясно, что Ватанабэ смотрел не в их сторону, но под таким глубоким взглядом, гнетущая и смертоносная сила всё ещё проникала в небольшое пространство вокруг него – съемочную площадку – и распространялась дальше на людей за её пределами. Все нервничали и чуть ли не бились, как рыбы, выброшенные на мель. Людям даже было тяжело дышать.

Смертельную тишину нарушил Гу Уси, вошедший в дверь. Хотя Гу Уси был заключенным на допросе, пока его не осудили, он все ещё был важным членом псевдо-правительства, и два солдата, сопровождавшие его, не осмелились обидеть его как-либо, поэтому он чуть ли не ворвался сам в комнату пыток.

Но в тот момент, когда он увидел Ватанабэ Ичиро...

Улыбка на лице Цзи Чэня явно дрогнула.

□

Такого настроения, такой выразительности, не говоря уже о дублерах, может достичь даже не каждый опытный актер.

Чжоу Юйхэ ещё даже не успел сказать свои реплики, он просто сидел там, в углу сцены. Это должно быть просто совпадение...

Сдерживая потрясение в своем сердце, Цзи Чэнь сохранил улыбку на лице, вошел, сел, вырубил свои хорошие социальные навыки и начал менять атмосферу, пытаясь взять инициативу в свои руки.

На лице Ватанабэ Ичиро не было недовольства или нетерпения, он просто внезапно открыл свои карманные часы, после смешка со стороны Гу Уси, его узкие глаза слегка опустились, а лицо не имело выражения, но оно заставляло людей нервничать без причины.

– Десять сорок три, вы опоздали на три минуты, – холодный механический голос прозвучал, как старые часы, на мгновение останавливая время.

Ватанабэ Ичиро поднял голову, и на увеличенном в мониторе красивом лице появилась легкая насмешливая улыбка, окрашенная кровью и жестокостью. Эта ухмылка резко контрастировала с гордой улыбкой Гу Уси, гладкой и хитрой.

Сердце Ян Юя бешено забилося... Этот Чжоу Юйхэ! Ян Юй был далеко не единственным, кого шокировала эта улыбка, он почти слышал, как люди вокруг монитора вдыхают холодный воздух. Как же можно было сделать такую злобную и холодную улыбку?!

Как все они знали, когда актер не контролировал такого персонажа, весьма вероятно, что тот будет изображен с парализованным лицом – отчужденность становится невыразительной, боль – всего лишь легкой нахмуренностью, и даже улыбка может легко вызвать чувство крутости и дерзкой претенциозности.

Но у Чжоу Юйхэ в его исполнении не было «паралича лицевого нерва».

К актерам часто применяли клише «глаза - зеркало души», но оно идеально подходило. Глаза персонажа, особенно, если это был интроверт, а не экстраверт, становились для актера лучшим инструментом для передачи эмоций. У многих актеров, изображающих холодных персонажей, глаза часто оставались пустыми из-за ограниченности выражений, что становилось обычным «парализованным лицом» в глазах публики.

Но Чжоу Юйхэ не был таким.

Его глаза были похожи на острый клинок, независимо от того, должны ли были быть какие-либо выражения по сценарию, его глаза сейчас были полны эмоций, как будто он преследовал добычу.

Его «безэмоциональный» взгляд не был действительно безэмоциональным, и выражение лица было не простым. Он не выглядел общительным, но и не переводил персонажа в «ждушее» состояние.

А как он был «выразительным»? Каждая из его лицевых мышц была в идеальном положении, не слишком «тугая», чтобы стать «парализованной», и не слишком «расслабленная». Он просто, точно и ярко показал японского офицера с твердым и кровожадным характером, лишь приподняв брови, скривив губы, взглянув в глаза и ухмыльнувшись...

Было не сложно охарактеризовать это шоу как потрясающее!

Такая атмосфера бессознательно привлекла ещё больше членов съёмочной группы, которые собирались вокруг монитора.

Было также немало таких умных людей, как Ян Юй, которые находили хорошую перспективу стоя на съёмочной площадке.

После этой улыбки, которую нельзя пропустить, все забыли, что это было просто прослушивание, и начали концентрироваться на долгожданном выступлении, которое должно было последовать.

– О том, почему я опоздал, вам следует спросить своих людей, мистер Ватанабэ, ведь Фучунроуд находится всего в нескольких минутах ходьбы отсюда, – Гу Уси взглянул на солдата рядом с ним, и тот немедленно опустил голову.

Темные глаза на мгновение задержались на лице солдата, прежде чем снова повернулись к Гу Уси:

– Но как я узнал, они прибыли в зал Цин Синь час назад, и это вы были тем, кто оставил всех снаружи, оставшись внутри в одиночестве и бездельничая целый час. Так скажите, пожалуйста, вы делали последний час, что-то постыдное, мистер Гу?

□□

Слово «постыдный» было произнесено очень мягко, по-видимому, небрежно, но сердце Цзи Чэня было потрясено. Потому что Гу Уси действительно делал кое-что неправильное в церкви.

Под гнетущими глазами Цзи Чэнь почувствовал резкий скачок уровня стресса, поправил костюм и улыбнулся:

– Те, кто знают меня, в курсе, что я поклоняюсь каждую неделю в это время, вера – это святое. Независимо от того, сколько вы отдаете оно того стоит, не говоря уже об этом коротком часе в неделю... Конечно, я понимаю, Ватанабэ-сан, что вы, японцы, которые следуют кодексу бусидо, вероятно, не можете понять это чувство.

Не было ни фоновой оценки, ни рендеринга длинных кадров и переключения в замедленное воспроизведение. В центре сцены царил леденящая кровь, острая напряженность, и даже воздух словно был разделен по слоям, что словно оставляло группу людей немного лишенными кислорода.

Кто первым проиграл битву?

По всем правилам это должен был быть Ватанабэ Ичиро.

Японцы уже стояли перед дилеммой, столкнувшись с угнетением со стороны американской армии и коммунистической партии, а Гу Уси был не только важным государственным чиновником, но и могущественным человеком с более высоким рангом, чем Ватанабэ Ичиро.

Перед лицом такого преступника персонаж Ватанабэ Ичиро проиграл битву, потому что не мог убедить себя. Не мог убедить японскую сторону, которая сама по себе была слабой и неразумной. Как он мог подавить импульс Гу Уси на допросе?

Но как насчет Чжоу Юйхэ?

Его спина оставалась прямой, он лишь слегка откинулся назад, его непринужденный и слегка пренебрежительный вид, делал его похожим на средневекового европейского аристократа. Стул под ним был уже не стулом для допросов, а великолепным, удобным резным креслом:

– Вера? О какой вере вы говорите? Вера в сферу совместного процветания Большой Восточной Азии? Или... Карл Маркс? Проснитесь, мистер Гу, вера вас не спасёт, – снисходительный тон и высокомерный взгляд, казалось, говорили: единственный человек, который может вытащить вас – это я, подчинитесь мне и следуйте моим приказам. Вот ваш единственный выбор.

Чжоу Юйхэ снова улыбнулся злобной и равнодушной улыбкой, но на этот раз в ней было и немного презрения. Такая сложная улыбка невероятно сочеталась с этим нежным и бесподобным лицом, и впечатляющий кадр не только ошеломил всех, кто был за пределами сцены, но и поразил Цзи Чэня, который находился прямо в середине «испытания».

Он затаил дыхание и неподвижно смотрел на офицера напротив. Прежде чем он успел что-то ответить, тот встал.

Цок, цок, цок. Звук топающих по полу сапог, казалось, снова и снова топтал сердце пленника. Все, включая режиссера за монитором камеры, боялись тяжело дышать.

Ичиро Ватанабэ властно посмотрел на Гу Уси. В этот момент высокомерный, равнодушный и жестокий... все сложные эмоции вырвались из этих глаз и поразили прямо в душу! Глаза Цзи Чэня внезапно расширились. Тук-тук-тук. Он услышал, стук собственного сердца.

В мгновение ока перед ним появился Ватанабэ Ичиро. Вместо того чтобы заставить благородного узника чувствовать себя некомфортно, этот всепоглощающий взгляд заставил его погрузиться в неопишное, затажное состояние. Чувство... унижения. Особенно, когда на него внезапно вылили ведро воды.

Сердце Цзи Чэня бешено заколотилось. Он не мог не смотреть в шоке на замершего рядом офицера.

Как сильный дождь смывает холодный и гордый цветок, как волны, опрокидывающие одинокие лодки... Холодная вода из ведра смыла его очки в золотой оправе и разлохматила аккуратные черные волосы. Смыла всю его самооценку.

Дёрг. Его потянули за волосы на затылке, но прежде чем он успел закричать от боли, ему пришлось поднять голову и посмотреть в прищуренные глаза. Сквозь ясный и прозрачный свет этих глаз он увидел безразличное и сильное намерение убить. Он увидел себя, который не мог даже душу удержать от трепета. В этот момент ему просто хотелось подползти к ногам этого человека. Полностью... подчиниться ему.

Ичиро Ватанабэ слегка улыбнулся и наклонился ближе к Гу Уси. Мягкий голос, такой жестокий, холодный, кровавый, нёс, несомненный смертоносный шарм.

– Я – твоя религия.

Я – твоя вера!

После того, как его волосы отпустили, Цзи Чэнь откинул голову назад и слегка ахнул, сознание на некоторое время померкнувшее, вернулось.

Игра подавления! Это была очередная игра подавления!

Сердце каждого на съёмочной площадке было потрясено.

<http://bllate.org/book/13305/1183619>